

Леонид Михайлович, вам звонят из любой точки земного шара и просят о помощи, если там пострадали дети. Если звоните сами, то там сразу понимают, с кем имеют дело, и в место трагедии выезжает бригада врачей. А с чего началась ваша деятельность как врача, можно сказать, скорой международной помощи?

- Когда случилось землетрясение в Спитаке, в Москве проходила научная конференция. Меня вдруг осенило, я встал и произнес: «Срочно выезжаю в Армению. Кто со мной?» Мигом вырос лес рук. Из этого леса была отобрана рота, так образовалась бригада, которая примерно в одном составе с того 1988 года ездит по нашей стране и всему миру, спасая пострадавших детей. Ею Россия может по праву гордиться. Мы участвовали в спасении пострадавших в железнодорожной катастрофе между Уфой и Челябинском, от взрыва завода в Усть-Каменогорске, работали в революционной Румынии, воюющих Югославии, Абхазии и Грузии, Армении и Азербайджане, Израиле и Чечне, в пострадавших от землетрясений Египте и Японии, Грузии и на Сахалине, в Калифорнии и Индии, Афганистане и Турции. Когда произошел теракт в Каспийске, наша бригада была там уже через несколько часов после взрыва. В нашу бригаду входят замечательные специалисты: Алим Исхаков, Эмиль Гайтур, Олег Граников, Леонид Пужицкий, Ольга Карасева... Эти люди одержимы своим делом, добровольцы. Они не раздумывая отправляются в любую опасную точку планеты не за деньги, не за награды, а лишь потому, что иначе они не могут.

- А чем отличается взрослый врач от детского?

- Детские врачи - лучшие врачи. Детский хирург может без труда оперировать взрослых пациентов, а обычный хирург - детей не всегда. Слишком тонко организован организм у ребенка, ткани не всегда еще сформировались... На детском враче лежит особая печать. В критической ситуации я не могу позволить себе расплакаться, хотя иногда от жалости комок стоит в горле. Но врач и не должен смотреть на пациента, как на предмет своего рукоделия. Если он не страдает, то должен уйти. Это уже не врач! Когда не удается спасти ребенка или избежать ампутации, я переживаю это как свое личное поражение. Помню, после землетрясения в Индии я боролся, чтобы не ампутировать ножку пятилетней девочке. И ничего не получилось. До сих пор не могу забыть... Утешаюсь, что были и другие случаи, после которых мне не стыдно смотреть на себя в зеркало. Однажды в нашу больницу привезли мальчика лет пяти, который выпал из окна с одиннадцатого этажа. Его десятилетний брат в это время гулял во дворе, увидел, подбежал, подставил руки и поймал младшего братишку. В итоге старший сломал себе руку, а младший остался жив, получив лишь травму черепа, которую залечили в НИИ педиатрии. Конечно, дети - лучшие люди в мире. Я лечу их вне зависимости от того, какой национальности, каких политических и религиозных убеждений их родители. В Нагорном Карабахе лечил и армянских, и азербайджанских ребятских детей. Дети умнее своих родителей, они еще не испорчены. Из них можно вырастить прекрасных людей. И лишь подонки превращают их в подонков, а политические негодяи выращивают террористов.

- Ваша преданность врачуному долгу общезвестна. Нередко это качество воспитывается в семьях медиков.

- Я родился в семье военного летчика. Отец - бывший авиационный летчик, со временем стал командиром авиационной дивизии. Перед войной мы жили в Москве, где у отца была крохотная квартирка на чердаке. Войну встречали в подмосковной Кубинке, откуда семью эвакуировали в Татарстан. После войны жили и в Ярославле, и в Туле, и в Люберцах. В 1941 году в эвакуации меня с подозрением на острый аппендицит должны были вести то ли в Ульяновск, то ли в Казань. Но, к счастью, никакого аппендицита не оказалось. Появился ли этот случай на мой выбор профессии? Не знаю... Откуда возникают у людей симпатии друг к другу? Как появляется любовь? Почему Петров женится на Ивановой и у них рождаются дети? Это таинственно и необъяснимо. Точно так же и с выбором своего дела... Словами это объяснить невозможно. Не знаю, почему я решил стать врачом. Это было глубоко во мне всегда. Не помню, чтобы хотел быть кем-нибудь другим.

- Но вы всегда хотели стать именно детским хирургом?

Леонид РОШАЛЬ: Я ТОЛЬКО НАЧИНАЮ ЖИТЬ...

Леонид Михайлович РОШАЛЬ родился 27 апреля 1933 года в городе Ливны Орловской области. Окончил Второй московский медицинский институт. 20 лет проработал в Московском научно-исследовательском клиническом институте им. Владимирского. В 1981 году возглавил отделение НИИ неотложной хирургии и травмы здоровья детей РАМН, с 2003 года - директор этого института.

Председатель Международного комитета помощи детям при катастрофах. Эксперт Всемирной организации здравоохранения. Председатель комиссии Общественной палаты по вопросам здравоохранения. В 1996 году журналисты назвали Л. Рошаль «Детским доктором мира».

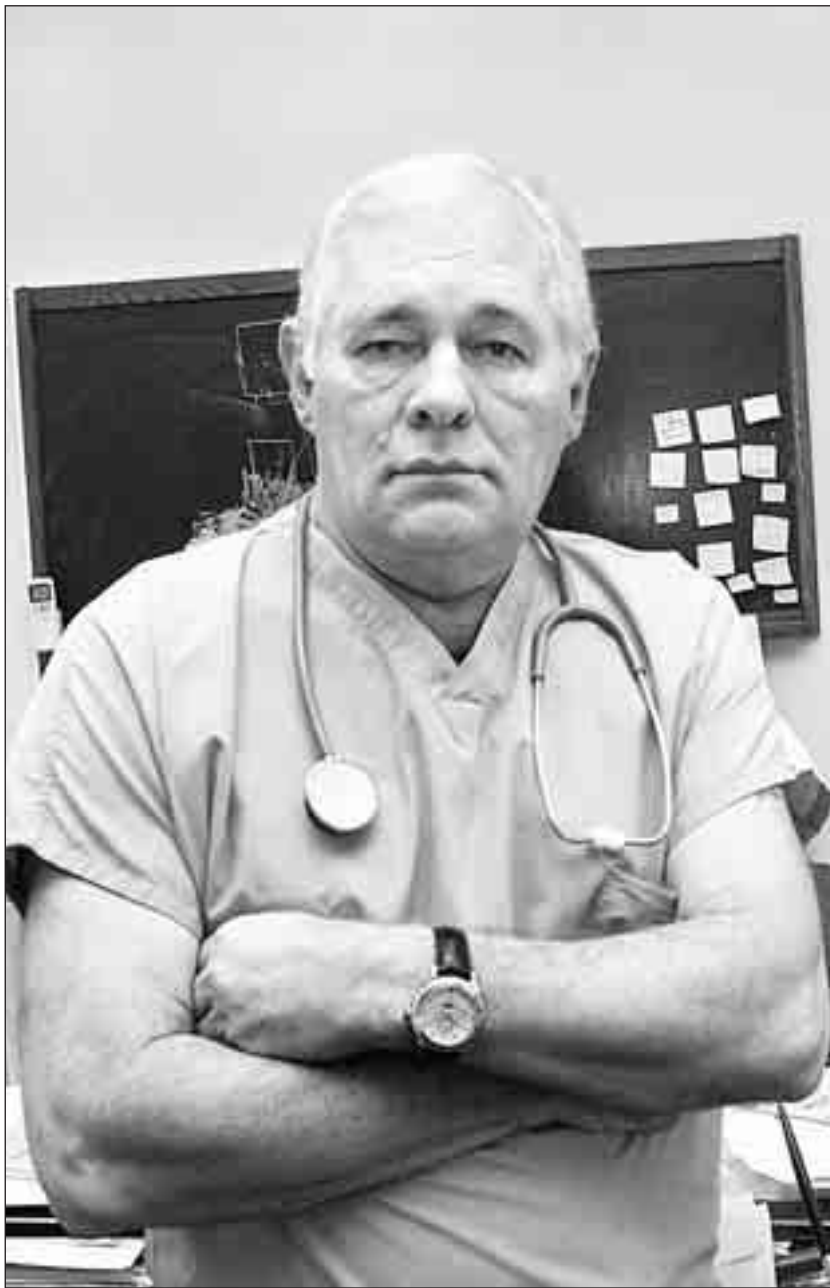


ФОТО ИТАР-ТАСС

- После окончания Второго медицинского института меня направили практиковать на педиатрическом участке. Тогда я очень переживал из-за этого. Теперь благодарю судьбу, что три года работал участковым детским врачом. Каждый хирург должен пройти подобную практику, помогающую научиться понимать детей. В 1981 году я стал руководителем отделения неотложной хирургии и травмы НИИ педиатрии Научного центра здоровья детей РАМН. Здесь и вкалываю по сей день. Честно скажу, это самая лучшая детская больница в мире. Это детский Склиф. Мы оснащены самым лучшим оборудованием, круглосуточно работает компьютерный томограф, есть ультразвуковые аппараты, следящая послеоперационная система, электронно-оптические преобразователи, энцефалография, проводятся мировые передовые методики ведения больных с так называемыми сочетанными травмами - то есть когда травм сразу несколько и они разного характера.

С восьмидесяти годов у нас получила особое развитие лапароскопия - метод осмотра брюшной полости с помощью эндоскопа, вводимого через прокол в брюшной стенке. Лапароскопия - русское изобретение, впервые она произведена в России в 1901 году акушером-гинекологом Д.О. Оттом. В НИИ педиатрии ее долгое время использовали для диагностики. Затем с помощью лапароскопии стали лечить перитонит. В 96 процентах случаев она позволяет удалять воспаленный аппендикс точечным введением инструментов. В результате не остается никаких шрамов, а главное - полное отсутствие послеоперационных осложнений.

Этого нигде в мире не делают. Американские врачи, к примеру, вообще против лапароскопии при аппендиците. И у нас многие хирурги на них ссылаются. Есть даже такой врачебный анекдот.

Спрашивается: «Человек может жить без червеобразного отростка?» Ответ: «Может». «А хирург?» - «Не может». Главный врач больницы - моя бывшая однокурсница, Майя Константиновна Бухрашвили. Вместе мы создали здесь почти домашнюю обстановку. Даже в самое тяжелое время наши врачи не занимались частной практикой, хотя получали гроши. Приходили и работали и не рвали на себе халат: «Мы - герои!» Лишь два человека ушли в кооперативы, да и то не лучшие специалисты.

- Когда лучше работало, раньше или сейчас?

- Я против капиталистической системы. И особенно в здравоохранении. Я - государственный. Частной практикой никогда не занимался и не буду. Мне не нравится американская система медицины, потому что она целиком основана на наживе. Американцы говорят о том, что в США нужно вводить русскую систему здравоохранения, а у нас с восторгом талдычат об американской! Диагностика, лечение, восстановление больных - все это должно оставаться бесплатным. За деньги - лишь лучшие условия содержания, телевизор в палате, лучшая еда, мебель, сантехника и так далее. Но не лечение! Особенно в детской медицине. Мы же не знаем, какой ребенок в будущем прославит Россию - за которого родители платят бешеные доллары или тот, кого совсем не на что лечить. Пока власти этого не поймут - толку не будет. В беднейшей Кубе здравоохранение остается одним из лучших, потому что власть следит за этим.

- Уровень оказания медицинской помощи вызывает очень серьезную критику. Вы в целом с ней согласны?

- На самом деле сегодня уровень медицины - возможный, народ этого и не знает - очень высокий, и не только у нас, но и во всем мире. Но отечественную медицину я считаю все-таки лучшей в ми-

ре. В начале века при перитоните от острого аппендицита в России умирали 80 процентов больных, в середине века - 30-40 процентов. Сейчас благодаря достижениям отечественной медицины - 0,01 процента. В нашей больнице, например, после операций удаления аппендицита - я поступаю по дереву, чтоб это было слышно! - ни одного ребенка не погибло уже за много лет! Мы научились достаточно хорошо лечить черепно-мозговые травмы. Раньше была очень высокая смертность при ушибах мозга. Сегодня она гораздо меньше - за последние 10 лет в нашей больнице она уменьшилась раз в восемь. Но тут есть один серьезный момент. Иногда, даже если ребенок после черепно-мозговой травмы не умирает, он переходит в дегенеративное состояние: он жив, но ничего не понимает, жизненные функции не работают, и помочь ему нельзя, потому что наступили необратимые изменения в мозгу. И теперь мы основную работу проводим именно в этом плане: как помочь человеку стать нормальным. Но и медицина нуждается в помощи... Когда появился Горбачев со своими прекрасными речами, все радовались - наконец-то наша лучшая медицина перестанет быть одной из самых бедных. Надеюсь, что вместо трех процентов бюджета здравоохранение будет получать 7 или 8 процентов. Но до сих пор наше здравоохранение не получает и одного процента! Оно стало в три раза беднее, чем до Горбачева и Ельцина. В итоге падения рождаемости, роста смертности мы ежегодно теряем около миллиона населения!

- Одна из ваших любимых идей - воспитание парамедиков, то есть людей, знакомых с приемами оказания первичной медицинской помощи. Расскажите немного об этом.

- Возьмем дорожно-транспортные происшествия. Половина погибших в них

умирают от того, что люди, оказавшиеся на месте катастрофы, попросту не знают, что делать с пострадавшим, ждут, пока придет «скорая». Вот почему просто жизненно необходимо создание системы обучения парамедиков. Только в Москве ежегодно выдают от 300 до 400 тысяч водительских прав. Я считаю, вручать водительские права надо только тем, кто научился оказывать помощь пострадавшим.

- Сами вы умеете водить машину?
- В первый раз я уселся за руль в 10 лет и от души накатался по местному полю, за что, конечно, получил сполна от отца. Но удовольствие запомнил на всю жизнь. Когда несусь по хорошей дороге на хорошей скорости, чувствую себя комфортнее всего. Но я понимаю и всем говорю: машина - это орудие убийства. И это надо всегда помнить.

- Вы стали инициатором восстановления церкви Иверской иконы Божьей Матери, находящейся на территории больницы. Что вас подвигло на это?

- Вместе с Майей Константиновной мы добивались ее реставрации, ездили по Подмосковию в поисках редкого белого камня. Сейчас храм восстановлен, над ним сияет золотой православный крест. У входа - памятная доска, напоминающая о том покровительстве, которое в начале XX века оказывали храму императрица Александра Федоровна и великая княгиня Елизавета Федоровна, обе причисленные к лику православных святых. Я убежден - каждый неверующий становится верующим, когда его ребенка увозят в операционную или в реанимацию. Многие теперь здесь крестят своих детей, даже в реанимационных палатах. Да и просто зайти в церковь помолиться, проставить свечку, вместо того чтобы беспокоиться ходить под окнами, куда твоего ребенка оперируют, - лучше и для родителей, и для детей.

- Вы верите в Бога?

- Этот вопрос для себя я еще окончательно не решил. Но считаю, нет ни одной плохой религии, кроме каких-нибудь уж совсем чужеродных религиозных. Все нормальные религии учат: живи - именно живи, в первую очередь! Но живи - по нравственным правилам, которые гарантируют окружающим людям наименьший вред от тебя. Потому что обязательно рано или поздно придет смерть. И именно от тебя зависит, как ты будешь умирать: страшно, долго, мучительно и позорно или достойно и непостыдно. Надо жить по религиозным заветам не потому, что тебя может покарать Бог, а чтобы тебя не за что было карать. Вот и все.

- У вас есть семья - жена, дети?

- Нет, у меня нет семьи. Я бы не хотел обсуждать личные темы и никогда об этом не говорю.

- А почему вы пьете не чай и не кофе, а простой кипяток?

- Этому меня один непритворный деревенский мальчик научил, которого я оперировал. Потом пришел его навесить в палату. Спрашиваю: «Что пьешь?» - «Кипяток». - «Разве вкусно?» - «Вкусно». Попробовал - и впрямь вкусно. С тех пор так и пристрастился.

- О чем вы мечтаете?

- Хочу организовать международную организацию всемирной скорой помощи детям. Однажды изложил свои идеи «врачам без границ». Те не оценили. В мире сейчас кому-то очень выгодно создавать новый миф о плохой России. Была коммунистическая, стала - криминалистическая. Я со своими инициативами и с моей бригадой этому мифу - помеха. Что ж, обойдется без них.

- Вам нравится быть известным?

- Как-то стараюсь не думать об этом... Важнее другое - я необходим людям. Мне хорошо жить. Мне кажется, я только начинаю жить. У меня много планов на будущее. Это только с арифметической точки зрения я прожил большую часть жизни. И мне нравится та жизнь, которую я прожил. Жаль, что она пролетела так быстро. Но еще так много задумано, и надо жить. Я радуюсь, что иной раз не знаю, сколько мне лет. Счастлив, что я - детский доктор. У нас больше развито клиническое зрение. Мы почти как ветеринары. Ребенок ведь не умеет рассказать, что и как именно у него болит. Надо уметь самому это видеть. Или вот... Ребенок лежит в палате после землетрясения. У него нет ножек. Он ищет взглядом, где его мама и папа. А мамы и папы нет в живых. И ты должен в первое время заменить ему маму и папу, облегчить детские страдания, уменьшить ту душевную травму, которая останется на всю его жизнь. Да, на детских врачах особенная печать...

Беседу вел Александр СЕГЕНЬ